Павел Фитин

Во главе ИНО

Не претендуя на полноту освещения, ибо это требует специальных исследований, я хочу рассказать о некоторых вопросах многосторонней деятельности разведки органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны.

17 июня 1941 года состоялся разговор с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. После этого меня ни на один день не покидало чувство тревоги. Это беспокоило не только меня, но и других работников, которым было положено знать об этой встрече.

Прошло несколько дней. На рассвете я вышел из наркомата. Позади напряженная неделя. Было воскресенье, день отдыха, а мысли, мысли, как маятник часов: «Неужели дезинформация? А если нет, тогда как?» С этими думами я приехал домой и прилег, но уснуть так и не удалось — зазвонил телефон. Было пять часов утра. В трубке голос дежурного по наркомату: «Товарищ генерал, вас срочно вызывает нарком, машина послана». Я тут же оделся и вышел, будучи твердо уверен, что случилось именно то, о чем несколько дней назад шла речь у И.В. Сталина.

Когда я вошел в приемную наркома, там было несколько человек. Вскоре прибыли и остальные товарищи. Нас пригласили в кабинет. Нарком был подавлен случившимся. После небольшой паузы он сообщил, что на всем протяжении западной границы — от Балтики до Черного моря — идут бои, в ряде мест германские войска вторглись на территорию нашей страны. Центральный Комитет и со-

ветское правительство принимают все меры для организации отпора вторгшемуся на нашу территорию врагу. Нам надо продумать план действий органов, учитывая сложившуюся обстановку. С настоящей минуты все мы находимся на военном положении, и нужно объявить об этом во всех управлениях и отделах.

— А вам, — обратился ко мне нарком, — необходимо подготовить соответствующие указания закордонным резидентурам. Через полтора-два часа я вас вызову.

С этим мы разошлись, чтобы приступить к выполнению указаний наркома. Известие было крайне неприятным, хотя для меня и некоторых других руководителей, кто был у наркома, оно не являлось такой уж большой новостью. Помимо того, что образовавшаяся «ось» Рим-Берлин-Токио была направлена главным образом против Советского Союза, в Первое управление из резидентур в Берлине, Париже, Лондоне, Праге и некоторых других поступали достоверные сведения о подготовке Германии к большой войне.

16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции.

Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И.В. Сталин. Многое пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом.

С тех пор, как я возглавил Разведывательное управление центрального аппарата, прошло всего лишь два года, но я хорошо изучил работников разведки, как молодых, так и опытных, и верил в их честность и преданность делу. В этом я убедился, перестраивая разведывательную работу в соответствии с решением Центрального Комитета партии от 1938 года «Об улучшении работы Иностранного отдела (ИНО. — *Прим. авт.*) НКВД».

Данное решение было вызвано создавшимся ненормальным положением в органах государственной безопасности, и в первую очередь в разведке. В 30-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом к руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938—1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них — репрессированы.

Принятие Центральным Комитетом указанного решения обусловливалось также создавшейся международной обстановкой: образованием фашистского блока Рим-Берлин-Токио, захватом Германией Австрии, Мюнхенским соглашением, которое явно свидетельствовало о том, что Гитлер идет к развязыванию Второй мировой войны. Кроме того, двурушническое поведение Англии, Франции и некоторых других европейских государств по отношению к СССР еще больше накалило международную обстановку.

Обстановка настоятельно требовала принятия неотложных мер по перестройке всей работы внешнеполитической разведки. В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный Комитет партии мобили-

Вермахт вступает в Австрию, 13 марта 1938 г.

зовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа из них, в которой находился и автор этих строк, была отобрана для работы в 5-м (Иностранном) отделе НКВД СССР.

В октябре 1938 года я пришел на работу в Иностранный отдел оперативным уполномоченным отделения по разработке троцкистов и «правых» за кордоном, однако вскоре меня назначили начальником этого отделения. В январе 1939 года я стал заместителем начальника 5-го отдела, а в мае 1939 года возглавил 5-й отдел НКВД. На посту начальника внешней разведки находился до середины 1946 года.

Влившиеся в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами-разведчиками образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном.

Руководство управления в первую очередь сосредоточило внимание на подборе руководителей резидентур за рубежом. В течение 1939—1940 годов за кордон направлялись старые, опытные разведчики: В.М. Зарубин, Е.Ю. Зарубина, Д.Г. Федичкин, Б.А. Рыбкин, З.А. Рыбкина, В.А. Тахчианов, М.А. Аллахвердов, А.М. Коротков, а также молодые способные чекисты: Г.Н. Калинин, А.К. Тренев, А.И. Леоненко, В.Г. Павлов, Е.И. Кравцов, Н.М. Горшков и многие другие.

При подборе кандидатур на разведывательную работу за рубежом приходилось сталкиваться с большими трудно-

стями из-за слабого знания иностранных языков многими товарищами, вновь пришедшими в разведку, и отсутствия у них опыта ведения разведки за кордоном.

В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах.

Принимая во внимание заслуги чекистов-разведчиков в добывании ценной и нужной для советского государства информации, Президиум Верховного Совета СССР в мае 1940 года наградил ряд работников внешнеполитической разведки орденами и медалями. Высокой правительственной награды был удостоен и я как начальник Первого управления НКГБ СССР.

Благодаря наличию агентуры с большими разведывательными возможностями в таких странах, как Германия, Англия, США, Чехословакия (к тому времени — «протекторат Богемии и Моравии», созданный гитлеровцами), Болгария, Франция, и некоторых других, с конца 1940 года и до нападения Германии на Советский Союз в Управление поступали данные, которые говорили о том, что Германия, захватив тринадцать европейских стран, готовится к нападению на СССР.

Например, наш резидент в Праге сообщал о перебросках немецких воинских частей, техники и другого военного снаряжения к границам Советского Союза. Аналогичные сведения поступали и от других резидентов. Естественно, вся эта информация направлялась в Главное разведывательное управление Красной Армии, а наиболее важная — в три адреса: И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошило-

ву. Поэтому вызов к И.В. Сталину 17 июня 1941 года не застал нас врасплох.

Несмотря на нашу осведомленность и твердое намерение отстаивать свою точку зрения на материалы, полученные Управлением, мы еще пребывали в состоянии определенной возбужденности. Это был вождь партии и страны с непререкаемым авторитетом. А ведь могло случиться и так, что Сталину что-то не понравится или в чем-то он усмотрит промах с нашей стороны, и тогда любой из нас может оказаться в весьма незавидном положении.

С такими мыслями мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приемную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за все время разговора не садился. Он прохаживался по кабинету, останавливаясь, чтобы задать вопрос или сосредоточиться на интересовавших его моментах доклада или ответа на его вопрос.

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них сверху был наш документ, И.В. Сталин не поднимая головы сказал:

— Прочитал ваше донесение… Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Мы молчим. Ведь всего три дня назад — 14 июня — газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И.В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, из-

редка попыхивал трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

— Что за человек, сообщивший эти сведения?

Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в министерстве воздушного флота и очень осведомлен. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес:

— Дезинформация! Можете быть свободны.

Мы ушли встревоженные. Многое пришлось передумать, напряженное состояние не покидало ни на минуту. А вдруг наш агент ошибся? А ведь я от имени Управления внешней разведки заверил И.В. Сталина в том, что информация не вызывает сомнений.

Придя в наркомат и обменявшись впечатлениями от встречи, мы с наркомом тут же составили шифровку в берлинскую резидентуру о немедленной проверке присланного сообщения о нападении Германии на СССР, которое якобы намечено на 22 июня 1941 года, но ответ получить не успели… Фашистские войска напали в этот день на нашу Родину. Последнее явилось горьким подтверждением правдивости донесения нашего агента.

Аналогичными данными располагали ГРУ и контрразведывательные подразделения наших органов. Это оказало на И.В. Сталина должное влияние, и 21 июня он дал указание Генеральному Штабу Красной Армии о приведении в боевое состояние приграничных частей. И.В. Сталин откладывал принятие самых необходимых военных мер предосторожности, очевидно, из опасения дать Гитлеру повод для нападения.

В мероприятиях, разработанных Управлением в первые дни войны, основное внимание уделялось отбору наиболее способных разведчиков для работы в оперативных группах, которые останутся на временно оккупированной немцами территории после отхода частей Красной Армии. Наши разведчики должны были организовать, возглавить, обучить советских патриотов для ведения партизанской войны в тылу врага и в то же время вести разведывательно-диверсионную работу против немецко-фашистских захватчиков и их союзников.

В первые же дни войны прошли подготовку десятки чекистов-разведчиков и выехали сначала на Украину, а затем в Белоруссию, Молдавию и западные области РСФСР. Все они достойно проявили себя, с честью выполнив возложенные на них задачи. Чекистам-разведчикам Дмитрию Медведеву, Николаю Прокопюку, Михаилу Прудникову, Виктору Королеву, Николаю Кузнецову, Владимиру Молодцову, Виктору Лягину, Ивану Кудре и многим другим за выполнение особых заданий присвоено звание Героя Советского Союза.

Помимо решения этой первоочередной задачи необходимо было усилить работу за рубежом, главным образом в целях нанесения наибольшего урона гитлеровской

Сбитый немецкий бомбардировщик. Август 1941 г.

Германии. Ее войска, несмотря на упорное сопротивление частей Красной Армии, продвигались все дальше в глубь нашей Родины. Пришлось оставить крупнейшие индустриальные центры Украины, Белоруссии, России, Прибалтики. Под угрозой захвата противником оказались Москва, Ленинград, Сталинград.

В этот невероятно тяжелый для Родины период советская разведка ставит перед всеми чекистами-разведчиками и многочисленной агентурой задачу по добыванию разведывательных данных о фашистской Германии и ее союзниках, о ее военно-экономическом потенциале, переброскаx войск и военной техники. С другой стороны, разведчики всячески содействуют организации движения Сопротивления в странах, захваченных фашистами еще до нападения на СССР.

Учитывая, что деятельность Первого управления по созданию оперативных групп и организации их работы в тылу противника приняла широкие масштабы и требовала к себе все большего внимания, Центральный Комитет ВКП(б) признал целесообразным разделить Первое управление на два управления:

— Разведывательное управление с задачами организации и ведения разведки против Германии и ее союзников; освещения политики США и Англии в отношении Советского Союза и стран «оси» Берлин-Токио-Рим, а также политики других капиталистических государств, не принимавших участия в войне; ведения технической разведки; организации контрразведывательной работы за рубежом;

— Управление (Четвертое) с задачами организации оперативных групп в тылу противника и руководства ими.

Руководство Первым управлением вновь возложили на меня, а руководителем Четвертого управления стал один из моих заместителей. Разделение было оформлено приказом по наркомату. Эта перестройка не замедлила сказаться: улучшились результаты работы как Первого, так и Четвертого управлений.

Первое управление, осуществляя главным образом руководство резидентурами за кордоном, стремилось оказывать им всемерное содействие в организации агентурно-оперативной работы в целях получения наиболее ценной информации. В течение первых двух военных лет нам удалось добыть большое количество крайне важных материалов о политике государств — наших союзников в войне с Германией, а также нейтральных стран. Вместе с тем были получены важные материалы военного и научно-технического характера.

Однако, несмотря на ценность добытых разведывательных материалов, они еще не удовлетворяли Ставку Верховного Главнокомандования, которая нуждалась в наиболее полных сведениях о военном потенциале Германии и политике США в отношении СССР, и особенно по вопросу открытия второго фронта.

5 июня 1943 года Государственный комитет обороны утвердил «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в которых определялись и задачи Разведывательного управления НКГБ СССР. Лучшие работники Управления направлялись для работы в закордонных резидентурах, а также для организации новых резидентур.

Год неимоверных усилий аппарата внешней разведки органов госбезопасности дал свои плоды: повысилось ка-

чество политической информации и увеличился ее объем. В больших количествах стала поступать ценнейшая научно-техническая информация, особенно военная.

В целях расширения возможностей для заброски нашей агентуры на территорию Германии и получения наиболее полной военной и экономической информации о Германии и ее сателлитах было признано целесообразным наладить контакты с разведками наших союзников — США и Англии. В Москве связь с представителями английской разведки поддерживал один из моих заместителей, а в Лондоне — наш опытный разведчик И.А. Чичаев.

В декабре 1943 года в Москву прибыл начальник Управления стратегических служб (так называлась американская разведка) генерал Уильям Донован для установления контактов с советской разведкой. Через американского посла в Москве Гарримана он обратился к В.М. Молотову, который являлся в то время заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и наркомом иностранных дел.

Нарком государственной безопасности и я были приглашены в Кремль, где нас принял В.М. Молотов. Он сообщил о прибытии в Москву Донована и его намерениях.

— Как вы на это смотрите? — спросил Молотов. — Видимо, нам отказываться не стоит, следует с ним встретиться и выяснить планы.

Здесь же приняли решение, что переговоры с Донованом должен вести я и о ходе переговоров подробно докладывать В.М. Молотову.

На следующий день вместе с моим заместителем мы приняли генерала Донована и провели с ним обстоятельную беседу. Результаты встречи были доложены И.В. Ста-

И.А. Чичаев

лину и В.М. Молотову, которые дали согласие на установление контактов.

Предусматривались обмен разведывательной информацией, взаимные консультации во время проведения активных действий, оказание содействия в заброске агентуры в тыл противника, обмен диверсионной техникой и др.

Устанавливая контакты с представителями американской и английской разведок, мы не рассчитывали на их искренность, но все же полагали, что такие контакты могут быть полезными. Необходимо отдать должное тому, что обмен разведывательной информацией, главным образом военной, о Германии и ее союзниках носил полезный характер. Поступавшая к нам информация в основной ее массе направлялась в Разведуправление Красной Армии и, как мне известно, в значительной части подтверждала или дополняла имевшиеся у нас сведения. В свою очередь, мы передавали информацию о немецких войсках, их перемещении, вооружении, особенно частей, находившихся во Франции, Бельгии, Голландии, так как эти страны более всего интересовали разведслужбы союзников.

Наряду с обменом разведывательной информацией, производился также обмен техническими средствами осуществления диверсий в тылу противника. Однако следует сказать, что мы и наши партнеры передавали те средства, которые не представляли большого секрета и не являлись откровением для обеих сторон.

Предпринимались попытки использовать возможности разведки, особенно английской, для выброски нашей агентуры на территорию Франции, Чехословакии, Италии и собственно Германии. Однако положительных результа-

тов эти переброски нам не дали, и мы отказались от услуг английской разведки.

Через полгода с момента установления контактов с американской разведкой мы — как, видимо, и американцы — убедились в малой эффективности той совместной работы, которая проводилась в тот период. Наши контакты с американской разведкой, как и с английской, постепенно стали ослабевать, а вскоре после открытия второго фронта вообще прекратились.

К этому времени наша разведка располагала данными о том, что союзники не открывали второй фронт не по военным, а по политическим причинам. Они рассчитывали на ослабление Советского Союза. И, как известно, войска США и Англии высадились в Нормандии лишь в начале июня 1944 года, когда судьба фашистской Германии фактически была предрешена в результате мощного наступления войск Красной Армии.

За положительные результаты деятельности внешней разведки и самоотверженную работу разведчиков в июне 1944 года советское правительство наградило орденами и медалями большую группу сотрудников разведки, а я в их числе был удостоен ордена Красного Знамени.

После открытия второго фронта было очень важно знать планы и намерения правительств США и Англии по урегулированию после войны политических вопросов, касавшихся как Германии, так и стран, воевавших на ее стороне. Эту задачу пришлось решать нашей разведке, которая справилась с ней довольно успешно.

Огромная роль в достижении положительных результатов принадлежала нашей лондонской резидентуре, располагавшей агентурой в правительственных органах, в част-

ности в министерстве иностранных дел. Значительная часть телеграфной переписки Черчилля с Рузвельтом, а также министерства иностранных дел Великобритании с английскими послами в Москве, Вашингтоне, Анкаре и других городах становилась достоянием советской разведки, а следовательно, и руководителей нашего государства.

Большой заслугой внешней разведки в этот период, особенно резидентур Первого управления в США, Канаде, Англии, явилось получение научно-технической информации в области атомной энергии, которая в значительной мере помогла ускорить решение вопроса по созданию атомной бомбы в Советском Союзе.

Мне часто приходилось встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым, который выражал большую признательность за получаемые от нашей разведки материалы по вопросам атомной энергии. В послевоенные годы мне на протяжении почти пяти лет пришлось заниматься вопросами, связанными со специальным производством и пуском урановых заводов, и в этой связи вновь неоднократно встречаться с Игорем Васильевичем, талантливым ученым и замечательным человеком. В беседах он вновь подчеркивал, какую неоценимую услугу в решении атомной проблемы в СССР сыграли материалы, добытые советской разведкой. Большое количество материалов добывалось также по вопросам самолетостроения, танкостроения, приборостроения и по другим вопросам науки и техники.

Все, что было проделано разведкой органов госбезопасности за годы Отечественной войны, явилось большим вкладом в победу советского народа над фашистской Германией, а также в укрепление могущества Советской страны.

Павел Судоплатов

Особые вопросы и Особая группа

Дата начала войны под вопросом

Роль разведки накануне войны, причем как военной, так и политической, сводят, к сожалению, в основном к предупреждениям о сроках начала фашистской агрессии. Между тем разведки Красной армии и органов НКВД выполнили свою историческую миссию в правильном ориентировании руководства страны и военного командования в отношении неизбежности будущих военных действий. Вся разведывательная информация об усилении немецкой группировки войск против Советского Союза была реализована в предложениях наркомата обороны об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на западе и на Дальнем Востоке с учетом реально складывающейся обстановки.

Правительство сделало безошибочный вывод о том, что угроза войны надвигается неумолимо и что главным театром военных действий станет западное направление. Надо отметить, однако, что эти выводы были сделаны не на основе документальных данных о конкретных замыслах противника, а благодаря компетентной ориентировке в военно-экономической и внешнеполитической обстановке. Поэтому не совсем оправданно мнение о том, что

информационно-аналитическая работа была поставлена плохо. Если быть точнее, то нужно отметить, что информационно-аналитической работе не уделялось должного внимания, нами не были вскрыты дезинформационные акции разведки противника и его сателлитов в канун развязывания войны.

В начале так называемой перестройки, которая в скрытой форме переросла в гражданскую войну, усиленно раздувался миф о том, что мы якобы боялись немцев, что Сталин дрожал от страха перед мощной фашистской армадой, угрожавшей нам с Запада. Как ни прискорбно, но к искажению реальной картины руководства Сталиным, Молотовым, Берией, Ворошиловым, Тимошенко деятельностью советской разведки вольно и невольно подключились и руководители внешней разведки КГБ и ГРУ Генштаба в 1960—1980 годах В. Кирпиченко, В. Павлов, П. Ивашутин и другие. Они фактически инициировали тезис о том, что в канун войны о сроках нападения разведчики «докладывали точно», а диктатор Сталин и его «сатрапы» Молотов и Берия преступно проигнорировали достоверные разведывательные материалы о немецком нападении.

Удивительно, что руководитель нашей военной разведки в 1963—1987 годах Ивашутин оперирует в своих заметках в «Военно-историческом журнале» придуманными нашим писателем и ветераном военной разведки О. Горчаковым ссылками на мифического агента «Ястреба», которого якобы Берия хотел стереть «в лагерную пыль» за достоверную информацию об угрозе войны. Кроме того, он будто бы докладывал Сталину, что наш посол в Германии Деканозов «бомбардирует дезинформацией» о неизбежной войне с Германией и он, Берия, требует отозвать

его. Все это полный абсурд: посол Деканозов, будучи в то время и заместителем наркома иностранных дел, не находился в подчинении у Берии.

Нам следует сейчас разобраться не только в том, докладывала ли разведка «наверх» о дате начала войны. Это вопрос важный, но не главный. Необходимо сравнить обстановку, сложившуюся в 1941 году и, например, в 1967 году, и посмотреть, как информация разведки и контрразведки влияла на крупнейшие политические решения в СССР и как она использовалась. Об этом я писал из тюрьмы Ю. Андропову 20 июля 1967 года.

Обвиняя Сталина и Молотова в просчетах и грубых ошибках, допущенных перед началом войны, их критики довольно примитивно трактуют мотивы принятых решений по докладам разведорганов, указывают лишь на ограниченность диктаторского мышления, самоуверенность, догматизм, мнимые симпатии к Гитлеру или страх перед ним. Таким образом отвлекается внимание от исторической подоплеки событий, к которым причастны нынешние консультанты внешней и военной разведки.

Почему я говорю об этом? Дело в том, что реализация разведывательной информации определяется, как правило, неизвестными для разведчиков мотивами действий высшего руководства страны. Целью Сталина было любой ценой избежать войны летом 1941 года. Не последнюю роль в его просчетах сыграла, возможно, и противоречивость нашей информации.

Сталин был раздражен, как видно из его хулиганской резолюции на докладе Меркулова, не только утверждениями о военном столкновении с Гитлером в ближайшие дни, но и тем, что «Красная капелла» неоднократно со-

общала противоречивые данные о намерениях гитлеровского руководства и сроках начала войны. «Можете послать ваш источник из штаба германской авиации к е… матери. Это не источник, а дезинформатор», — писал он 17 июня 1941 года. Сталина я здесь вовсе не оправдываю. Однако нужно смотреть правде в глаза. Не только двойник «Лицеист», но и ценные и проверенные агенты «Корсиканец» и «Старшина» сообщали весной 1941 года и вплоть до начала войны, в июне, о ложных сроках нападения, о выступлении немцев против СССР в зависимости от мирного соглашения с Англией и, наконец, в мае 1941 года «Старшина» передал сведения о том, что немецкое и румынское командование «озабочено концентрацией советских войск на юго-западном направлении, на Украине и возможностью советского превентивного удара по Германии и Румынии с целью захвата нефтепромыслов в случае германского вторжения на Британские острова».

Поэтому реакцию Сталина, по моему мнению, следует рассматривать не только как неверие в нападение Германии, но и как крайнее недовольство работой разведки. Во всяком случае, так я расценивал после разговора с Фитиным мнение «наверху» о нашей работе и, не скрою, был этим чрезвычайно удручен. Безусловно, нашей большой ошибкой было направлять «наверх» доклады разведки, не составив календарь спецсообщений. Сделано это было лишь после «нагоняя».

Впрочем, мы посылали руководству все важные сообщения, надеясь, что в Кремле, получая еще дополнительные данные от военных служб и Коминтерна, сделают соответствующие выводы и дадут нам указания.

Война — это что-то вроде водораздела. И тем не менее есть смысл обращаться к событиям 1941 года, чтобы понять: были ли сделаны выводы из этих уроков накануне серьезнейших испытаний, которые наша страна пережила в последующем — в пятидесятые — шестидесятые годы, в периоды ожесточенных локальных войн на Ближнем Востоке, грозивших перерасти в военное противостояние между СССР и США.

В 1988 году я принимал участие в работе научного семинара в штаб-квартире нашей внешней разведки в Ясенево. Довелось мне тогда освежить память по некоторым документам. Разведывательная информация о замыслах немецкого руководства и о рассмотрении вопроса о нападении на СССР начала поступать примерно с мая-июня 1940 года. Одновременно следует подчеркнуть, «наверху» и в НКВД ошибочно считали, что к войне мы худо-бедно, но готовы.

Есть ли объяснения тому, что происходило со стороны участников драмы в мае-июне 1941 года, кроме известной всем жесткой критики? Очень мало. До нас доходят лишь обрывки архивных документов и отдельные высказывания заинтересованных лиц: Микояна, Молотова и их сегодняшних яростных разоблачителей. Но ведь есть и другие обстоятельства, по которым стоит высказаться.

Июнь 1991 года. Помню, как по телевидению демонстрировали фильм о роли разведки перед началом Отечественной войны. Делались аналогии. Советский Союз накануне нападения гитлеровской Германии и Советский Союз накануне развала. В 1991 году угроза развала была очевидной, но руководство страны, и прежде всего Горбачев, который лично руководил силовыми ведомствами,

ошибочно считали, что держат ситуацию под контролем. Они полагались и на безосновательные заключения и рекомендации по линии госбезопасности, что общественное мнение в целом поддерживает Горбачева и не существует реальной опасности отстранения его от власти.

Вот мы говорим: ответственность Сталина за судьбу Родины. Она огромна. Говорим о роли Хрущева, Брежнева, Горбачева. Она также не менее ответственна. Потому что у нас всегда первое лицо государства, в незначительной степени второе — председатель правительства — лично осуществляли руководство спецслужбами и силовыми ведомствами. И на них в первую очередь лежит персональная ответственность за сохранение целостности государства, отражение внешних и внутренних угроз его развитию и существованию. Это никогда нельзя сбрасывать со счетов.

А теперь хотелось бы привести пример того, как ошибочная реализация нашей разведывательной информации способствовала, как отмечал наш видный дипломат Г. Корниенко, развязыванию печально известной шестидневной войны на Ближнем Востоке между Израилем и арабскими странами в июне 1967 года.

Ряд участников драмы на Ближнем Востоке играл не последнюю роль в разведывательных операциях и по линии их обеспечения советскими дипломатическими ведомствами в сороковые годы. Скажем, советский посол в Египте в 1967 году Д. Пожидаев, в прошлом работник разведки, был офицером нашей резидентуры в Париже в 1940 году, а в годы войны по просьбе наркомата иностранных дел перешел на дипломатическую службу, но при этом продолжал оставаться не просто доверенным лицом, а активным

помощником советской разведки. То же самое можно сказать и о В. Семенове — в 1960—1970-е годы заместителе министра иностранных дел СССР, исполнявшего в период Отечественной войны важные поручения разведки НКВД в Швеции. При их участии, без санкции политического руководства страны представитель КГБ в Каире передал 13 мая 1967 года египетской разведке в порядке обмена информацией непроверенные данные о концентрации израильских войск для нападения на Сирию. Между тем израильское командование готовилось нанести главный удар по вооруженным силам Египта с целью прежде всего уничтожить его авиацию на аэродромах и завоевать господство в воздухе. Пожидаев же и Семенов подтвердили эту ложную информацию египтянам, которые, идя на поводу ее, настояли на выводе войск ООН с египетско-израильской границы, считая, что концентрация египетских войск на Синайском полуострове станет сдерживающим фактором ожидавшегося нападения на Сирию. В результате египетское руководство двинуло войска на Синай и начало блокаду в заливе Акаба. Сделано это было вопреки предостережению председателя правительства СССР А. Косыгина не обострять обстановку. Неблагоприятные последствия этих действий для союзника СССР в то время широко известны.

В 1992 году А. Рылов, ветеран советской разведки, подарил мне книгу В. Кирпиченко «Из архива разведчика», в которой он как куратор в то время «ближневосточного» направления в работе КГБ за рубежом описывает эти события без тени раскаяния в трагической ошибке, повлекшей большие внешнеполитические осложнения для нашей страны. Кирпиченко — одна из крупнейших, знаковых фигур в истории наших органов безопасности и в истории

разведки. Он был руководителем нелегальной разведки, до этого возглавлял направление по Ближнему Востоку в центральном аппарате. Это очень значимо с точки зрения практического опыта в организации нелегального аппарата, который создается для работы в особый период — в период военных действий.

Читаем дальше. В своих воспоминаниях Кирпиченко категорически отрицает причастность советской стороны к провоцированию военных действий на Ближнем Востоке, утверждая, что речь идет просто об агрессии Израиля. Согласен. Но только в одном. Главная причина войны — противостояние и четкая позиция как в Израиле, так и в арабском мире, что оно может быть разрешено только военной силой и мир возможен только на основе военного решения проблемы, на условиях достижения военной победы. Совершенно ясно: первопричина конфликта — агрессивные устремления сторон. Тут не может быть сомнений.

Но вот об обстоятельствах развязывания войны Кирпиченко почему-то забывает. Если мы обратимся к стенограмме Пленума ЦК КПСС в июне 1967 года, состоявшегося почти сразу же после арабо-израильских военных действий, то увидим, что генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев, курировавший силовые ведомства, сказал, что поражение Египта для нас явилось большой неудачей, и руководство страны подвели разведка, военные и дипломаты. На чем базируется это заявление генсека? Что он имел в виду, когда говорил об этом? Скорее всего, то, что 13 мая представитель КГБ СССР в Каире, непонятно с чьей санкции или без санкции Центра, обменялся с руководителем египетской разведки (с которым, как признает Кирпиченко, тоже были

дружественные отношения) информацией о том, что на сирийском фронте заметна усиленная концентрация войск. Но эти сведения еще подлежали перепроверке. В своей книге Кирпиченко по своему усмотрению рассекретил документ КГБ СССР о том, что 26 мая 1967 года были получены сведения о намерении Израиля начать войну на Ближнем Востоке через два-три дня. Но это не соответствовало действительности. Война началась десятью днями позже. Кто знает, может, это была специально подброшенная израильтянами дезинформация в адрес КГБ, чтобы спровоцировать Египет и дать повод Израилю для «превентивного» в глазах мирового общественного мнения удара по арабским странам. Возникает вопрос, насколько опасна информация разведки? И может ли она быть опасной и нежелательной, когда курс правительством и руководством страны уже определен? Кирпиченко пишет о блестящей роли нашего посла в Каире Д. Пожидаева, с которым у него были прекрасные отношения. Но у них и не могло быть иных отношений. И в этой связи возникает новое белое пятно в истории операций нашей разведки, сопоставимое с уроками 1941 года. Сомневаюсь, что и в настоящее время из анализа событий 1967 года сделаны в СВР соответствующие выводы. Это маловероятно, поскольку историческими обобщениями по ближневосточному конфликту занимаются люди, причастные к очевидным ошибкам в оперативной работе именно в этот период.

Но вернемся к событиям мая-июня 1941 года. В 1992—1993 годах, в пылу критики Сталина, нашего посла в Германии Деканозова обвинили в том, что он явился «распространителем» дезинформации о неизбежности войны с Германией. Как же обстояло дело в действительности?

В.Г. Деканозов в Берлине, 1940 г.

В мае 1941 года Деканозов был вызван в Москву для консультаций. Тогда между ним и немецким послом графом Шуленбургом состоялись беседы. Из рассекреченных теперь записей этих бесед следует, что немецкий посол в Москве открыто заявлял советскому дипломату, в недалеком прошлом начальнику внешней разведки НКВД, о своей озабоченности растущей напряженностью в германо-советских отношениях, грозящей столкновением, и о необходимости их улучшения.

Деканозов немедленно доложил не только в форме записи беседы, но и лично Сталину и Молотову о встречах с Шуленбургом. И вот здесь советское руководство в силу своего менталитета допустило серьезнейшую ошибку. Оно не могло себе представить, что Шуленбург беседовал с Деканозовым по собственной инициативе, без санкции Берлина. Даже когда Шуленбург подчеркнул Деканозову, что он излагает свою личную точку зрения о необходимости предпринять шаги в виде совместного обмена нотами и принятия коммюнике о стабильности германо-советских связей, в Кремле восприняли его слова как точку зрения влиятельных политических кругов Германии. Роль Шуленбурга Сталин, Молотов, Берия, безусловно, переоценивали. От его бесед с Деканозовым ожидали начала проработки возможной встречи с немецким руководством на высшем уровне. Не случайно Деканозов 1 мая 1941 года стоял на трибуне Мавзолея вместе с руководителями партии и государства. Это лучше всяких слов говорило немцам, что он, заместитель наркома иностранных дел, очень близок к руководителям Советского Союза. 5 мая Деканозов был приглашен на завтрак к Шуленбургу.

По ошибочному указанию Кремля мы подкинули дезинформацию о том, что якобы Сталин выступает последовательным сторонником мирного урегулирования соглашений, в отличие от военных кругов СССР, придерживающихся жестких позиций военного противостояния Германии. Затем последовало печально известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о безосновательности слухов относительно войны с Германией.

Намерения немцев и неизбежность войны стали еще более очевидными, когда нашей контрразведке с помощью агента военной разведки Г. Кегеля при участии З. Рыбкиной удалось установить совершенную прослушивающую аппаратуру в помещениях немецкого посольства, где Шуленбург и военный атташе вели доверительные беседы между собой. Это было очень большим достижением нашего контрразведывательного аппарата и его технических подразделений, смонтировавших аппаратуру. К сожалению, это удалось сделать только в майские праздники 1941 года.

Кобулов, Меркулов, Берия часто бывали у Сталина в мае-июне 1941 года. Они лично докладывали разведывательные и контрразведывательные материалы. Однако самые убедительные данные о сроках нападения появились за два-три дня до начала войны. Их немедленно доложили на самый «верх». Это были записи разговоров Шуленбурга, который прямо говорил, что он очень пессимистично настроен в отношении военных планов Гитлера, связанных с Россией. Эта запись легла на стол Сталину и окончательно убедила советское руководство, что война разразится в самое ближайшее время. Сейчас известно также, что при встрече А. Щербакова с секретарями райкомов пар-

тии в Москве 20 июня 1941 года он советовал не выезжать в выходные дни из Москвы, ибо ожидается нападение Германии.

Я с большим уважением отношусь к нашим видным военачальникам — маршалу Советского Союза Г. Жукову и адмиралу Н. Кузнецову, однако им не следовало бы упрекать друг друга в пренебрежении данными разведки. Например, Кузнецову, который в записке Сталину излагал сообщение военно-морской разведки о сроках нападения, приписывают вину за дезориентацию руководства о сроках нападения немцев. Дело в том, что Кузнецов действительно сообщал о неподтвердившихся сроках, но, к сожалению, каждый раз цитирование документов в нашей исторической и мемуарной литературе подчинено конъюнктуре. Жуков упрекает Кузнецова в том, что капитан первого ранга Воронцов, наш военно-морской атташе в Берлине, докладывал ему о действиях немецкого командования, опираясь на данные нескольких источников, дававших разные сообщения. Но ведь не процитирован весь документ, где говорится, что источники информации ненадежны и дано задание перепроверить их, после чего эти сведения не подтвердились. О том же самом идет речь и в записках генерала Голикова — что сведения о начале войны, поступавшие в марте-апреле 1941 года, действительно оказались неточными.

Существенное значение имеет и то, что доклады Голикова и Кузнецова весной 1941 года направлялись Сталину в то время, когда немецкие силы не были еще полностью развернуты по нашей границе и вопрос о немедленном начале военных действий не стоял. Генштаб верно оценивал возможности противника и делал правильные вы-

воды. По складывающейся ситуации начало военных действий представлялось маловероятным до июня. Нельзя не осуждать распространенное сегодня явление, когда многие публицисты произвольно и безответственно цитируют важнейшие документы нашей истории. И, как правило, занимаются этим те, кто в своих предыдущих публикациях давал иные «исторические» оценки роли КПСС, характеру и особенностям предвоенной обстановки.

Однако нельзя не сказать и о крупных просчетах нашей разведки. Довольно часто муссируется вопрос о том, что Сталин дал указание о развертывании главных сил танковых и механизированных соединений Красной армии для отражения главного удара противника на Юго-западном направлении, поскольку имелось в виду, что немцам нужны были нефть, украинский уголь, запасы зерна и т.д. для длительной войны с Советским Союзом. На самом же деле мы переоценивали группировку немецких войск, противостоящую нам на юго-западе, в результате чего Южный фронт вынужден был в начале июля отойти. Несмотря на очень серьезную агентурную сеть, которую мы имели в Румынии, была получена мифическая информация о значительно превосходящих силах немцев и румын на Южном направлении, состоящих из 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий.

Неправильная оценка нашей разведкой обстановки в Бессарабии, как мне самокритично рассказывал нарком госбезопасности Молдавии, впоследствии начальник особого отдела Южного фронта Н. Сазыкин, в критический момент начала войны обусловила невысокую эффективность действий войск Южного фронта, несмотря на то что противник, как оказалось, не имел превосходящих сил. Несо-

мненно, это оказало неблагоприятное влияние на развитие событий на всем Юго-западном направлении.

Историкам разведки предстоит еще большая работа: сравнить поступавшую в Москву разведывательную информацию с картиной реальных сроков развертывания сил фашистской Германии весной и в начале лета 1941 года. Как следует из дневников начальника сухопутных войск Германии генерала Гальдера, изданных у нас, приказ немецкого верховного главнокомандующего о нанесении удара по Советскому Союзу в соответствии с планом «Барбаросса» появился только 10 июня. До наших разведчиков об этом доходили лишь отголоски. В целом обстановку мы оценивали верно, понимая, что дело идет к войне, но когда речь зашла об объяснении причин столь противоречивых разведывательных данных, здесь надо прямо сказать, руководство наркоматов внутренних дел, госбезопасности и разведки, будучи вызванным на ковер, не нашло должного ответа. К сожалению, новое поколение руководителей советской разведки не извлекло из этого уроков, повторив сходные ошибки в ходе событий накануне арабо-израильской войны в июне 1967 года.

Начало войны

Первые испытания

О начале военных действий руководители служб и направлений НКГБ узнали от Меркулова в 3:00 в ночь на 22 июня. На срочном совещании — в связи с выполнением ответственных поручений — отсутствовали Фитин и Федотов. В тот день они находились за городом. Наиболее решительно повел себя Михеев, который немедленно сообщил о том, что в особых отделах армий и флотов имеются исчерпывающие инструкции о перестройке оперативной работы в условиях военного времени. Сообщение Меркулова, разумеется, не было неожиданным. Указания о боевой готовности, об обострении ситуации были переданы по линии органов НКВД и НКГБ 18, 19 и 20 июня 1941 года как в территориальные подразделения, так и по линии военной контрразведки, а также в штабы и командованию пограничных и внутренних войск, дислоцированных на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Там боевая готовность была объявлена фактически 21 июня в 21:30, то есть до получения санкционированной Сталиным известной директивы наркома обороны. По линии разведки мы также отправили предупреждение об обострении обстановки в Берлин, где посол Деканозов утром 21 июня отдал распоряжение персоналу не покидать

без специального разрешения территорию наших миссий за границей и всем сотрудникам докладывать о месте своего нахождения.

В тот же день в Берлин поездом прибыл ряд сотрудников нашей разведки, вызванных из Франции, Дании и Италии. На вокзале их встречал резидент Кобулов.

Надо сказать, что проявленные на местах собранность и дисциплинированность позволили нам без особых проблем быстро эвакуировать свой аппарат по дипломатическим каналам. Настороженность, которую мы проявляли перед войной, предполагая возможность вторжения немцев в наши консульства, положительно сработала и при уничтожении всех средств шифросвязи в Берлине, Париже, Риме, Копенгагене. К сожалению, финнам удалось захватить ряд средств шифропереписки, в том числе кодовую книгу в нашем консульстве в Петсамо. Позже, в 1944 году, финская разведка передала эти материалы английским и американским спецслужбам. Это положило начало почти тридцатилетней операции английских и американских криптографических служб по дешифровке переписки резидентур советской военной разведки и НКВД из США, Швеции, Англии, Турции, Болгарии с Центром в 1941—1946 годах.

Но мы допустили ошибку, понадеявшись, что наши резидентуры в Западной Европе, получив предупреждение, правильно сориентируются и перестроят свою работу на военный лад. Как оказалось, даже опытные работники разведки, находившиеся за кордоном, имели очень смутное представление о том, как организационно будет строиться работа в условиях начала военных действий. Особенно это коснулось радиотехнического обеспечения в условиях перехода агентуры на нелегальное положение.

Все просчеты и недостатки организационного характера органов безопасности в этот сложнейший период для нашей страны, к сожалению, освещены недостаточно. Откровенно говоря, это относится не только к спецслужбам. Воспоминания С. Штеменко, Г. Жукова и А. Василевского, Н. Кузнецова лишь только чуть приоткрывают страницы, связанные с организацией работы военного аппарата в начальный период войны. Недостаточное внимание этой теме, по-моему, уделил и наш военный историк В. Анфилов в своей работе «Провал „Блицкрига“».

Получив указания Берии (17-го или 18 июня 1941 года) об организации разведывательно-диверсионного аппарата на случай начала войны, я столкнулся с исключительно сложным вопросом: каким образом самостоятельная служба диверсий и разведки будет действовать в прифронтовой полосе и ближайших тылах противника во взаимодействии с военной контрразведкой? Ведь в прифронтовой полосе именно она олицетворяла действия органов госбезопасности.

Как известно, в феврале 1941 года особые отделы, военная контрразведка были переданы в оперативное подчинение наркомата обороны. Встал вопрос: кому непосредственно должна быть подчинена военная контрразведка — военному руководству или наркому госбезопасности? Четко отработанного механизма двойного подчинения не было. Военная же контрразведка не может работать эффективно, не опираясь на общие директивы по обеспечению госбезопасности в Вооруженных силах.

Накануне войны был создан так называемый межведомственный совет НКВД-НКГБ и наркомата обороны по координации работы военной контрразведки.

20 июня 1941 года, когда стало совершенно очевидно, что от начала войны нас отделяют считанные дни, я получил задание создать специальную группу, которая, будучи задействованной в разведывательно-диверсионных операциях, имела бы возможность самостоятельно осуществлять диверсионные акции в ближайших тылах противника. Разработкой этого задания мы занялись вместе с Эйтингоном, Мельниковым. Сразу же возник вопрос: как создаваемый аппарат должен взаимодействовать с остальными оперативными подразделениями? Ведь Берия, возглавляя НКВД, не являлся наркомом государственной безопасности, а указание о создании аппарата давал он как заместитель председателя Совета народных комиссаров, то есть заместитель руководителя правительства. Имелось в виду, что опираться этот специальный аппарат должен как на НКГБ, так и на НКВД, поскольку именно в его прямом подчинении находились пограничные и внутренние войска, то есть основные воинские части, которые предполагалось задействовать в диверсионных операциях.

Война продиктовала очередной поворот в реорганизации органов безопасности и внутренних дел. Военная контрразведка вернулась в аппарат НКВД, было восстановлено управление особых отделов и фактически слиты аппараты НКВД и НКГБ в расширенный наркомат внутренних дел. В условиях начавшихся военных действий, наших неудач на фронте такая централизация функций по обеспечению госбезопасности страны и охраны общественного порядка была оправданной.

За день до начала войны на меня и небольшой аппарат группы в составе Н. Эйтингона, Н. Мельникова, В. Дроздова, А. Камаевой и А. Кочергиной легли нелегкие задачи,

Н.И. Эйтингон

связанные с передачей в наше распоряжение агентуры других оперативных служб НКВД для использования их против немецких спецслужб. Эту агентуру надо было срочно изучить на предмет ее пригодности к действиям в условиях военного времени, поэтому и встал вопрос о перепроверке агентурных возможностей НКВД в целом. Я начал активно взаимодействовать с контрразведывательным управлением П. Федотова, транспортным управлением С. Мильштейна и секретно-политическим управлением, которое возглавлял Н. Горлинский. Речь шла и о том, чтобы в дополнение к имеющейся у нас агентуре добавить и ту, которая находилась на приграничных территориях, для чего нашему разведывательно-диверсионному аппарату необходимо было наладить прямую связь с их территориальными органами и центральным аппаратом контрразведки. Мы ожидали, что основные события развернутся именно там. Речь шла не только о предотвращении широкомасштабных провокаций на всей границе от Белоруссии до Черного моря, но и о развертывании разведывательно-диверсионной работы в ближайших тылах немецких соединений, если они перейдут границу. Сразу же стало очевидным, что агентуры, которой мы располагали, было недостаточно.

Кроме того, специальных воинских подразделений, к которым можно было бы подключить агентурно-оперативные боевые группы для партизанской войны в тылу противника, не существовало. Правда, мы могли рассчитывать на особый резерв Коминтерна, имевший боевой опыт партизанской войны в Испании.

Эйтингон занялся координацией будущих действий с Генштабом и с командованием Красной армии в при-

граничных округах. Контакта с командующим войсками особого Белорусского округа Д. Павловым у него не получилось. Но наладились хорошие рабочие отношения с организатором спецназа и партизанских отрядов в период финской войны полковником Разведупра Красной армии Х. Мамсуровым.

Сразу же возник главный имеющий политическое значение вопрос: кто будет отдавать приказ о конкретных, неотложных боевых действиях в тылу противника по линии НКВД в случае начала войны? Не менее важно было и то, кто должен давать санкцию на развертывание диверсионной работы в Польше, Германии и Скандинавии. К сожалению, из опыта испанской и финской войн выводов было сделано маловато. Успех диверсий в тылу противника во многом зависел от ограничения маневренных возможностей танковых группировок немцев путем уничтожения складов с горючим и срывом их снабжения. Это чисто теоретически прорабатывалось Мамсуровым и Эйтингоном на встрече с Голиковым в здании Разведупра на Гоголевском бульваре.

Утром в субботу 21 июня Берия согласился с предложениями Эйтингона, которые я активно поддержал, о том, что мы должны располагать специальным боевым резервом в 1200 человек из состава пограничников и внутренних войск. У Эйтингона была идея создать четыре батальона диверсионного назначения. Три предполагалось развернуть на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. А четвертый оставить в резерве в Подмосковье.

В девяностые годы начались публикации всевозможных «документальных» материалов о разработке планов наступательной операции Красной армии в начальный пе-

риод войны. Должен сказать, однако, со всей ответственностью, что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий. Это известный рукописный документ, датированный 15 мая 1941 года.

Сейчас упускают из виду, что эти соображения о встречном сражении Сталин и нарком обороны Тимошенко положили в основу директивы войскам днем 22 июня 1941 года, когда была предпринята попытка встречным ударом остановить немцев и нанести им главный удар на юго-западном направлении. Жукову, по-моему, изменяет память, когда он пишет в своих мемуарах о том, что директива Ставки по проведению решительного контрнаступления была для него совершенно неожиданной. Ведь речь шла о проведении в жизнь тех мероприятий, которые он как начальник Генштаба и генерал-майор Василевский предлагали Сталину осуществить в случае начала войны более чем за месяц до нападения немцев.

Более того, майские соображения Жукова и Василевского фактически были первым нашим черновым вариантом плана военных действий в случае начала войны с Германией.

Сейчас очевидно, что этот документ был весьма несовершенен, более того, замысел наступательных операций мало чем отличался от планов наступательной кампании русской армии в Галиции и Юго-Восточной Польше, разработанных царским генштабом еще в 1913 году и частично с неудачами реализованных в августе-сентябре 1914 года.

В первый же день войны в нашей работе стало чувствоваться большое напряжение. Нас особенно тревожило развитие событий на границе. Сведения поступали самые противоречивые. Днем 22 июня Берия вызвал меня, Масленникова, командующего пограничными войсками, и предложил, чтобы Эйтингон срочно вылетел в Минск. А потом, подумав, сказал, что, пожалуй, имеет смысл вылететь в Проскуров, где будут разворачиваться события на юго-западном направлении, и решить, что можно сделать по линии диверсионной службы для всемерной поддержки Красной армии.

Однако Эйтингон никуда не уехал. Вызванный к Берии, он вместе со мной спорил, доказывая, что есть смысл выехать на место только для того, чтобы разобраться в обстановке. Потому что реально нами не были подготовлены ни силы, ни средства для развертывания диверсионных подразделений и партизанской войны. Надо было сначала получить информацию о том, что там происходит. Нехотя Берия согласился.

К сожалению, наши военные историки, уделив существенное место попытке контрнаступления Красной армии 22—23 июня 1941 года, не увязывают ее с предложениями Жукова и Василевского от 15 мая 1941 года. А родились они, мне кажется, из трактовки выступления Сталина 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий.

Как известно, усилия Красной армии остановить контрударами наступление немцев ни к чему не привели. Наши части понесли колоссальные потери. Практически мы оказались без авиации и танков. Противник завоевал господство в воздухе.

Командование Западного фронта не располагало информацией о реальном развитии событий. Наши танковые

соединения, сосредоточенные на Белостокском выступе, вели неравные бои в окружении, не имели горючего, и судьба их была предрешена. Правда, танкисты, погибая в этом сражении, нанесли большой урон немцам.

Если мы проследим, как разворачивалась работа центрального аппарата органов госбезопасности в первые дни войны, то увидим, что 27 июня был отдан приказ НКВД о формировании войск Особой группы при наркоме внутренних дел для выполнения специальных заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В формировании войск и оперсостава этой группы мы опирались на кадры внутренних войск и соответствующих оперативных подразделений НКВД. Первоначально наряду с Эйтингоном мне без официального приказа в качестве заместителя был придан Ш. Церетели, занимавшийся отбором добровольцев-спортсменов на стадионе «Динамо». Он был организатором успешно закончившейся борьбы с бандитизмом на Кавказе в двадцатые годы. В июле 1941 года в связи с угрозой войны в Закавказье был назначен начальником пограничных войск Закавказского округа.

При наборе людей мы пошли по пути, подсказанному опытом финской войны, — задействовали спортивно-комсомольский актив страны. ЦК ВЛКСМ принял постановление о мобилизации комсомольцев для службы в войсках Особой группы при НКВД. Мы мобилизовали выпуски Высшей школы НКВД и разведчиков Школы особого назначения, а также молодежь из органов милиции, пожарной охраны. Первым начальником штаба войск Особой группы стал комбриг Богданов, один из руководителей управления пожарной охраны НКВД. Позднее его сменил полковник Михаил Федорович Орлов, выпускник военного